

Бо Хуай хотел подхватить Цзянь Суньи на руки, но тот упрямо запротестовал. Чтобы настоящий Альфа позволил нести себя как девчонку? Это же полнейший крах авторитета!

Собрав последние силы, он слабо оттолкнул друга:

— Кто тебе разрешил входить? Это незаконное проникновение.

Его толчок больше походил на ленивое кошачье потягивание. Бо Хуаю было и смешно, и досадно. Не слушая бормотания, он просто закинул упрянца себе на спину.

— С каких это пор мне нужно твоё разрешение, чтобы войти в твой дом?

— Диктатор...

Выдохнув последнее ругательство, Цзянь Суньи окончательно провалился в беспамятство.

В первый раз он серьёзно пострадал ещё в седьмом классе.

Тогда тоже стоял сезон дождей. Ветер нещадно обрывал листья платанов, устилая ими мокрую, скользкую грязь. Молодой господин Цзянь, привыкший ходить с высоко задранной головой, поскользнулся и сломал лодыжку.

Именно Бо Хуай тогда дотащил его на себе до больницы и возился с ним, пока не приехала госпожа Тан.

Цзянь Суньи тогда был ужасно гордым и жутко смущался, что его несут на закорках. Он капризничал, вырывался и требовал отпустить его, но Бо Хуай просто проигнорировал его нытьё, взвалил на спину и молча зашагал вперёд.

Суньи уже не помнил деталей тех ощущений.

В памяти остался лишь нескончаемый гул дождя, бьющего по куполу зонта, промозглый сырой ветер и сухое, надёжное тепло от спины нёсшего его мальчишки. Каждый его шаг был ровным и уверенным.

Совсем как сейчас.

Цзянь Суньи горел в лихорадке. Потеряв связь с реальностью, он уткнулся лицом в знакомое плечо, вдыхая родной запах, и мысленно перенёсся на несколько лет назад, в тот дождливый день.

Пальцы сами собой крепче обхватили шею друга. С трудом шевеля сухими губами, он едва слышно прошептал:

— Брат Хуай...

Так он называл его в глубоком детстве, когда они ещё были совсем крохами.

Бо Хуай резко замер. Напряжение, искажавшее его красивое лицо, вдруг растаяло, уступив место мягкой, тёплой улыбке.

«Надо же, заболел, а всё туда же — ластится».

Конечно, в такой ситуации сложно было не почувствовать себя коварным разбойником, похитившим чужую невесту.

Но что ещё оставалось делать?

Он ведь собирался просто зайти под предлогом возврата школьной формы, чтобы помириться. Но едва оказавшись у подъезда, почувствовал, как воздух буквально плавится от феромонов.

Ни один нормальный Альфа во время дифференциации не терял контроль над запахом до такой степени. Дозвониться до Суньи тоже не получалось.

То, что Бо Хуай не выломал дверь силой, свидетельствовало лишь о его железной выдержке. Он даже боялся представить, что могло произойти, не окажись он рядом.

Тревога настолько овладела им, что он даже не успел задуматься о странностях происходящего.

Обустроив Цзянь Суньи в VIP-палате, Бо Хуай отправился к лечащему врачу.

Увидев двух красивых подростков, пришедших посреди ночи без сопровождения взрослых, доктор невольно нахмурился и с подозрением спросил:

— Кем ты приходишься пациенту?

Бо Хуай вспомнил давешний полусонный шёпот и, опустив глаза, тихо ответил:

— Я его брат.

Врач понимающе кивнул, но в его голосе прозвучало явное неодобрение:

— Дифференциация Омеги, да ещё и в таком позднем возрасте — процесс крайне опасный. Как родители могли оставить его одного в такой момент?

— Омеги?

Бо Хуай вскинул голову. В его обычно бесстрастных янтарных глазах отразился целый вихрь противоречивых чувств.

— Ну да, — ответил врач, выписывая направление. — Омеги такого высокого роста встречаются нечасто, но ваш брат — определённо один из них. Уровень омега-гормонов в его организме достиг пика, все системы созрели. Сегодня ночью дифференциация завершится. Не переживайте, физически он крепок, так что обойдётся без осложнений. Как только спадёт жар, всё придёт в норму. Вот рецепт, сходи в аптеку за подавителями и блокираторами запаха.

Бо Хуай послушно слушал рекомендации, пытаясь зафиксировать в памяти каждое слово, но мысли путались. Он был в смятении.

Омега.

Как Цзянь Суньи мог оказаться Омегой?

Вернувшись в палату, Бо Хуай присел на край кровати. Он всматривался в лицо, которое за последние три года мысленно рисовал тысячи раз, и не находил слов.

Этот парень действительно был поразительно красив. Изящные черты лица, лихорадочный румянец на щеках и у век, выгодно подчёркивающий белизну кожи... Настоящий цветущий персик, притягательный и нежный.

Да, рост у него приличный, но кости тоньше, чем у обычных Альф, да и сам он довольно изящного телосложения. На спине ощущался совсем лёгким.

Если подумать, всё сходилось.

Даже то, что его собственные феромоны так тянулись к запаху Суньи, а не реагировали агрессией, как это бывает между доминантными Альфами.

А ведь Бо Хуай искренне полагал, что дело в его собственной одержимости. Думал, раз любит

этого паренька столько лет, то и сущность его примет любую — даже вопреки законам природы. Он ведь ни секунды не сомневался, что Суньи — Альфа.

И именно из-за этого три года назад он сбежал в Бэйчэн, безжалостно оборвав все контакты.

А теперь, когда он наконец во всём разобрался и вернулся, судьба преподнесла ему этот невероятный подарок.

В душе не было ни ликования, ни облегчения.

Только щемящая, острая боль.

«Как же такой гордый мальчишка примет эту новость?»

Бо Хуай протянул руку и осторожно коснулся его щеки, желая подарить хоть каплю тепла и утешения.

Но Суньи тут же перехватил его пальцы.

Он беспокойно повернулся на бок, свернувшись калачиком и нахмурив брови от накатившего дискомфорта. Почувствовав исходящую от чужой ладони прохладу, он, словно замёрзший котёнок, потянулся навстречу и крепко обхватил руку Бо Хуая обеими ладонями.

Бо Хуаю пришлось наклониться так низко, что он едва не упал на него. Недолго думая, он прилёг рядом и мягко прижал Суньи к себе.

Одной рукой он бережно обнимал его за плечи, а второй легонько гладил по спине, стараясь успокоить бушующие гормоны своими феромонами.

Но парень в его объятиях становился всё ненасытнее. Повинуясь первобытным инстинктам, он утыкался лицом в его шею, жадно впитывая прохладный аромат.

Бо Хуай почувствовал, что теряет самообладание.

Юноша, которого он боготворил столько лет, сейчас лежал в его руках Омегой и беззащитно молил об утешении.

Прямо перед его глазами находилась чистая, ещё не отмеченная чужими зубами нежная кожа на шее, источающая сводящий с ума аромат.

Один укус — и этот упрямец навсегда станет его, обретёт покой и перестанет мучиться от

лихорадки.

Соблазн поддаться собственническому инстинкту был огромен.

Бо Хуай опустил голову и коснулся губами его чувствительной железы.

Губы скользнули по шее мимолётным, почти неощутимым касанием — Бо Хуай тут же отстранился.

Убрав влажные от пота волосы с его лба, он нежно вздохнул:

— Прости. Потерпи ещё немного, скоро всё пройдёт.

Он не мог позволить себе такую низость. Цзянь Сунъи был слишком дорог ему, чтобы воспользоваться его беспомощностью. Нужно подождать, пока тот повзрослеет и сам поймёт свои чувства. Бо Хуай умел ждать.

Цзянь Сунъи зашевелился, приходя в себя. Бо Хуай аккуратно поднялся с постели.

Сунъи всё ещё крепко держал его за руку. Приоткрыв тяжёлые веки, он сипло пробормотал:

— Ты что, решил воспользоваться моментом? Пытаешься испортить моё идеальное лицо, пока я сплю?

Раз шутит, значит, жить будет.

Бо Хуай попытался высвободить руку, но Сунъи сжал её крепче, поднёс к самому носу и подозрительно принюхался.

— Ты как щенок, — усмехнулся Бо Хуай.

— Жадина, — буркнул Сунъи, нехотя отпуская его ладонь. — Это твои феромоны?

— И как тебе? Разобрал запах?

— Похоже на сосновый бор после снегопада.

«Почти угадал. Это запах зимнего леса, окутавший твою розу».

— Приятный?

Цзянь Сунъи вдруг вспомнил, как раньше бесцеремонно требовал дать ему понюхать эти феромоны и даже нахваливал их. Сейчас, на свежую голову, это казалось чистой воды флиртом.

Смутившись, он отвёл взгляд:

— И зачем ты разбрызгиваешь их тут без спроса? Держи себя в руках. А если не умеешь контролировать — пользуйся блокираторами.

Бо Хуай не стал спорить с этой нелепой претензией. Он ответил мягко и спокойно:

— У тебя сейчас период дифференциации. Рядом с доминантным Альфой тебе будет намного легче перенести жар.

— С какой стати мне, Альфе, нужно облегчение от другого Альфы?

Сунъи повернулся к нему, недоуменно захлопав ресницами. Из-за слабости его взгляд казался затуманенным и забавным.

Бо Хуай смотрел на него несколько секунд, борясь с накатившей нежностью, но всё же произнёс самые важные слова максимально будничным тоном:

— Потому что ты Омега.

Эту короткую фразу Цзянь Сунъи переваривал не меньше минуты.

— Что ты сказал? Повтори-ка.

Бо Хуай вместо ответа молча протянул ему медицинское заключение.

Сунъи изучал бланк секунд тридцать, а затем демонстративно отвернулся к стене и натянул одеяло до самых ушей.

«Точно лихорадка. Мне просто снится бред».

Бо Хуай лишь хмыкнул.

Спустя полминуты Сунъи резко перевернулся обратно, ещё раз вчитался в листок и снова

уткнулся носом в подушку.

«Да, я определённо ещё сплю».

Бо Хуай едва сдерживал смех.

«Прямо как блинчик на сковороде — то на один бок, то на другой».

Он прекрасно понимал, какой удар пришёлся по самолюбию друга, но бегать от реальности было бессмысленно. Подавив жалость, он произнёс ровным голосом:

— Мои феромоны реагируют на тебя. Ты действительно Омега.

Плечи под одеялом мгновенно напряглись, превратившись в прямую линию. Пальцы Сунъи мёртвой хваткой вцепились в ткань, оставляя на ней глубокие складки. Тень от ночника на полу мелко задрожала.

В палате повисла тяжёлая тишина. Ни один из них не проронил ни слова.

Наконец напряжение в спине Сунъи спало, и он как ни в чём не бывало спросил:

— А сам я пока ничего не чувствую. Ну и как тебе мой запах? Надеюсь, приличный?

— Вполне. Пахнет розами.

— Хм, — недовольно протянул парень. — Почему у тебя такой благородный аромат, а у меня банальщина какая-то?

— Вовсе не банальщина. Это дикая роза. С глубоким древесным оттенком, совсем не приторная.

— Ну ладно, сойдёт.

Сунъи так и не повернулся к нему лицом.

Никаких истерик, криков или упаднических настроений. Он принял этот удар судьбы молча, гордо и с достоинством.

Бо Хуай хотел спросить, какой была бы их жизнь, если бы семнадцать лет назад в тесте не произошла ошибка. Но тут же отбросил эту мысль. Омега или Альфа — это не имело значения.

Цзянь Сунъи всё равно вырос бы именно таким: ярким, дерзким и сильным.

В их жилах текла особая кровь. И определяющим фактором была не вторичная сущность, а врождённая гордость и нестигаемая воля.

Спустя минуту Сунъи наконец повернулся и деловито посмотрел на друга:

— Твои феромоны ведь считаются сильнейшими среди Альф?

— Да.

— Тогда давай так: каждый день, когда будет время, ты будешь тренировать меня своим давлением. Хочу проверить, смогу ли я устоять.

Бо Хуай удивлённо прищурился.

Сунъи слегка замялся от его взгляда, но упрямо продолжил:

— Понимаю, просьба странная и геморройная для тебя. Но я хочу научиться полностью игнорировать влияние чужих Альф. Поможешь?

Если он сможет выстоять под давлением доминантных феромонов Бо Хуая, то никакие другие Альфы ему будут не страшны. Вот только подобные тренировки для незрелого Омеги — сущий ад, и никто не знает, сколько времени уйдёт на адаптацию.

— Это будет гораздо тяжелее, чем ты думаешь.

— Знаю. Но раз уж я так крупно влип, выбора нет. Потерплю. Твой брат Сун трудностей не боится.

Его тон оставался беспечным, будто бросить вызов самой природе для него было лишь весёлой забавой. В его тёмных глазах отражался мягкий лунный свет.

Бо Хуай почувствовал, как сердце вновь защемило от нежности и гордости за этого несносного мальчишку.

Он никогда не сдавался. Ему не нужны были жалость, нежные уговоры или снисхождение. Он всегда шёл только вперёд. И Бо Хуай обещал себе быть рядом на этом пути, чего бы это ни стоило.

— Хорошо, — кивнул он.

— Красавчик. Знал, что на тебя можно положиться.

«Если бы я не держал себя в руках, ты бы уже давно лежал подмятым под меня».

Бо Хуай хитро прищурился, став похожим на коварного лиса:

— Раз я оказываю тебе такую услугу, ты ведь должен меня как-то отблагодарить?

— Проси что хочешь.

— Что угодно?

— Абсолютно.

— Ловлю на слове.

Бо Хуай смерил его лукавым взглядом:

— Ладно, пока запишем в долг. Главное — не вздумай потом идти на попятную.

— Чтобы я — и сдал назад? Когда такое было?

— Ну, одно обещание ты мне точно задолжал. Кое-кто обещал назвать меня папой.

—...

Сунъи поперхнулся собственными словами.

— Да что ж ты за человек такой? Вечно тебе хочется, чтобы перед тобой преклонялись.

Бо Хуай рассмеялся, дивясь его умению выворачивать всё наизнанку.

— А ты помнишь моего папу?

Сунъи открыл было рот, но Бо Хуай опередил его:

— Моего Омегу-папу.

Цзянь Сунъи помнил его. Вэнь Чжимянь был невероятным человеком — сильным, добрым и исключительно талантливым хирургом. Когда Бо Хуаю исполнилось шесть лет, его папа отправился добровольцем в зону военного конфликта и погиб во время авиаудара, спасая детей-сирот.

— Мой папа, хоть и был Омегой, окончил университет с золотой медалью и спас сотни жизней. А для моего отца его гибель стала лишь разменной монетой в политической игре. Даже похороны превратили в шоу для телекамер. Дедушка тогда слёг в больницу, бабушка с дедушкой по материнской линии были за границей... Казалось, во всём мире только мне одному было по-настоящему больно.

Бо Хуай рассказывал об этом без прежней горечи, скорее с тёплой грустью.

— Но ты тогда проявил благородство. Утешал меня как мог.

Сунъи самодовольно ухмыльнулся:

— Ну так. Я с самого детства парень широкой души.

— А помнишь, какими именно словами ты меня утешал?

—...

— «Не плачь. Раз у тебя больше нет папы, с этого дня им буду я. Можешь звать меня так в любое время, не стесняйся».

Бо Хуай растягивал слова с явным удовольствием.

— Твоя цитата.

Ну и кто тут у нас спал и видел, как заставляет другого называть себя папочкой?

Ухмылка Сунъи моментально превратилась в неловкую гримасу.

— Ну... это... зато звучит вполне благородно, разве нет?

— Да уж, верх благородства, — согласился Бо Хуай.

Смущённый Сунъи снова юркнул под одеяло, решив временно объявить другу бойкот. Но Бо Хуай, обычно не отличавшийся многословностью, сегодня явно поймал вдохновение:

— Мой папа тебя обожал. Говорил, что ты самый смыслённый ребёнок из всех, кого он знал. Я привык доверять его мнению, так что постарайся не ударить в грязь лицом. Стань Омегой, превосходящим его во всём.

Эти слова прозвучали на удивление тепло и искренне. Сунъи шмыгнул носом, чувствуя, как к горлу подкатывает комок.

Но Бо Хуай тут же испортил момент:

— А иначе выйдет, будто я тренирую слабака.

Трогательная атмосфера мгновенно испарилась.

— Да пошёл ты, Бо Хуай...

Договорить он не успел. Резкий спазм парализовал горло, а по телу прокатилась волна невыносимого, обжигающего жара. Дикая дрожь сотрясла всё его существо.

Новый приступ дифференциации настиг его внезапно и безжалостно. Тело отчаянно требовало успокаивающих феромонов стоявшего рядом Альфы.

«Чёрт с ней, с гордостью. Жизнь дороже».

Сунъи судорожно сжал зубы и, задыхаясь от накатившего спазма, процедил:

— Слышь... Бо Хуай... Иди сюда. Дай мне... понюхать тебя.

Голос его прозвучал тихо, жалобно и совсем не грозно, хотя он изо всех сил старался казаться грозным суровым парнем.

Выглядело это безумно мило и по-детски сердито.

<http://bllate.org/book/20583/2131649>